

А. Полициано

Сказание об Орфее

Поэзия Возрождения

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-1
ББК 84-5
А11

A11 **А. Полициано**
Сказание об Орфее: Поэзия Возрождения / А. Полициано – М.: Книга по Требованию, 2012. – 80 с.

ISBN 978-5-458-24159-5

Анджело Амброджини по прозвищу Полициано (итал. Angelo Ambrogini detto Poliziano; 14 июля 1454 года, Монтепульчано 29 сентября 1494 года, Флоренция) – итальянский поэт, гуманист и драматург. Придворный поэт и друг Лоренцо Медичи, воспитатель его сыновей. Профессор греческой и латинской литературы во Флорентийском университете (1480–1494), автор поэмы «Стансы на турнир» (1475), пьесы «Сказание об Орфее» (1471), в которых доминирует идея гармонии человека и природы – одна из ведущих идей всей ренессансной культуры. Поэзия Полициано жизнерадостна, пронизана чувством восторга перед красотой природы и призывом наслаждаться ею, как и красотой самого человека.

ISBN 978-5-458-24159-5

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

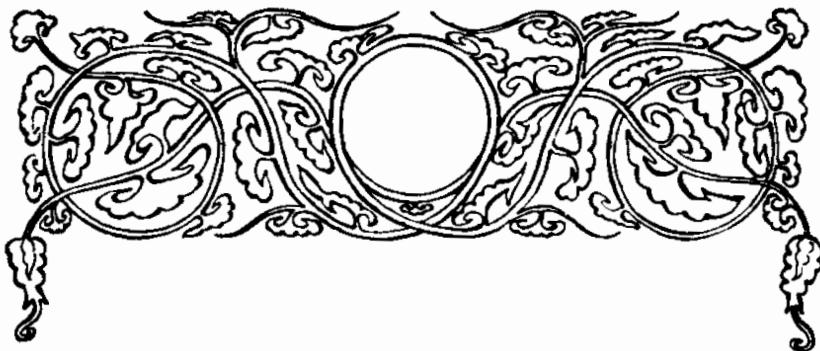
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

АНДЖЕЛО ПОЛИЦИАНО

По выражению знаменитого итальянского критика Франческо де-Санктиса, Полициано был „наиболее выпуклым выражением“ литературы эпохи Возрождения в Италии. Как типичный представитель своего времени, прекрасно отразивший в себе культурное содержание знаменательного века, он и привлекает к себе наше внимание.

Родился Полициано 14 июля 1454 года на юге Тосканы, в городе Монtepульчано, и был сыном образованного юриста Бенедетто Амброджини. Свое позднейшее имя (Politianus) он заимствовал от латинизированного названия родного города. С пятнадцатилетнего возраста Полициано начал посещать во Флоренции высшую школу (Studio) и слушал лекции таких видных гуманистов, как Марсилио Фичино, глава Платоновой академии, грек Аргиропул, знаток Аристотеля, Кристофоро Ландино, толкователь Данте, и др. Под их руководством он основательно изучил латинский

и греческий языки и литературу и, обладая выдающимися способностями, очень рано, юным студентом, выступил на поэтическое по-прище; писал с изумительной легкостью на обоих древних языках элегии, эпиграммы и т. д. По желанию Пьерио Медичи, Полициано воспитывался вместе с сыном его, Лоренцо, получившим впоследствии название „Великолепного“. С этого момента началась интимная дружба Полициано с знаменитейшим представителем дома Медичи, продолжавшаяся до смерти Лоренцо (1492) и наложившая определенную печать на всю деятельность нашего поэта. В образовании, тенденциях, поэтическом таланте между ними много общего. Полициано стал „тенью“ Лоренцо, его постоянным спутником и спутником и некоторое время состоял воспитателем его сына Пьерио.

В эпоху Возрождения классической древности, в век гуманизма, изучение античных языков и литератур сделалось основою всякого истинного образования. Классическую школу проходили не только представители разного рода знаний (богословы, законояды, врачи и т. д.), но и деятели искусств (поэты, живописцы, скульпторы), нередко и люди практической жизни (коммерсанты, общественные деятели, политики), а также женщины. Представляя собою один из наиболее ярких феноменов богатого талантами времени, Полициано, подобно зачинателю куль-

туры Возрождения Петрарке (1304—1374) и многим его последователям, совмещал в себе гуманиста и поэта.

На двадцать шестом году жизни он уже сделался профессором „латинского и греческого красноречия“ во Флорентинском университете и читал с таким успехом (1480—1494), что лекции его посещались самой избранной публикой и в том числе недавними его профессорами. Глубокий знаток античного мира и талантливый филолог, он не знал среди современников равных себе в умении толковать классиков, делать характеристики их творчества, объяснять трудные места текстов. Его филологические заметки составили том „Смеси“ („Miscellanea“, 1489), который признается выдающимся памятником филологической критики эпохи, а его вступительные речи к комментированным им классикам (Гомеру, Аристотелю, Феокриту, Вергилию, Цицерону, Квинтилиану и др.) вошли в состав его „Вступлений“ („Praelocutiones“, 1480—1486), отличающихся большою живостью изложения и горячим воодушевлением. Здесь чувствуется восприимчивый к поэзии человек, легко настраивающий себя в тон с разбираемым писателем или поэтом. Здесь ученый стоит уже на грани поэтического творчества, и недаром четыре из этих „вступлений“, под особым заголовком „Леса“ („Silvae“), облечены в форму звучных латинских гекзаметров. Так, одно из них („Rusticus“), написанное как

введение к „Георгикам“ Виргилия, представляет изящную поэтическую картину всех прелестей деревенской жизни, а другое („*Nutricia*“) посвящено прославлению поэзии, которая рассматривается как воспитательница, „*кормилица*“ всякой цивилизации. Еще в ранней молодости Полициано перевел несколько песен „Илиады“ на латинский язык, за что и получил название „гомеровского юноши“ (*juvenis homericus*). Кроме того, ему принадлежит целый ряд других прозаических и поэтических переводов античных писателей.

По выражению одного критика, „классическая литература сделалась неотъемлемою составною частью его внутреннего мира“. И мыслью, и чувством живет он в сфере античных переживаний и представлений, и сквозь эту обаятельную для него сферу смотрит он и на окружающую его действительность. Поэтому, когда ему приходится трактовать ее в своей поэзии, он облекает эту действительность в античные одежды, постоянно прибегая к фактам, формам и представлениям древнего мира.

Так повелось в Италии со времен Петrarки и Боккаччо, а у их последователей, с конца XIV века, преклонение перед античным миром достигло крайнего выражения, приводя нередко к слепой подражательности древним писателям, к отрешению от родной действительности и даже к отрицанию пригодности

итальянского языка для литературных целей. Несколько благоприятных обстоятельств спасли Полициано от подобной плачевной участи. Прежде всего он слишком реалист, слишком живо, хотя, может быть, и не особенно глубоко, воспринимает действительность, чтобы, игнорируя ее, всецело унести в условный мир отживших явлений и представлений. Затем, к национальной почве прикрепляет его возвращение в поэзии к родному языку, который безмолвствовал в ней чуть не целый век, и эта реставрация литературного итальянского языка как раз совершается в кружке Лоренцо Медичи. Далее, замечательною чертою этого кружка является глубокий интерес к народной поэзии и стремление пользоваться ее мотивами и формами для собственного творчества. Наконец от книжных и сухих подражателей латинской поэзии отличает членов этого кружка и одушевляющее их живое чувство природы и любовь к простой сельской жизни.

Все эти черты мы находим в поэзии Полициано. Конечно, его в значительной степени можно назвать „придворным поэтом“, официальным, так сказать, представителем изящных муз при утонченном дворе Лоренцо Великолепного.

То была эпоха зачинавшегося капитализма, в которой семье Медичи суждено было сыграть выдающуюся роль. Купцы и банкиры, обладая огромным состоянием, Медичи за-

воевали себе выдающееся политическое положение и фактически сделались государями Флоренции, хотя и не носили этого титула. Избытки своих доходов, подобно многим другим итальянским властителям этой эпохи, они употребляли на щедрое меценатство, на поддержку ученых, поэтов, художников. При их дворе не мог отсутствовать присяжный бард их могущества и славы. Таким бардом и явился Полициано. Главные его произведения— „Орфей“ и „Турнир“—сочинения „на случай“, написанные по поводу тех или других событий в высокопоставленной среде. По прекрасному замечанию де-Санктиса, новая поэзия „зародилась среди танцев, празднеств и пиршеств“ двора Лоренцо. Воспевая Медичи, связанный тесными узами с этой фамилией и находясь в дружеских отношениях с Лоренцо, Полициано совершенно искренне, по крайнему своему разумению воздавал хвалу их дому, имеющему немалые культурные заслуги.

Небольшая пьеса „Орфей“, печатаемая здесь, была написана или, скорее, импровизирована в течение двух дней, в 1471 году, по заказу кардинала Гонзага, по случаю приезда в Мантую герцога Сфорца. Это произведение семнадцатилетнего юноши представляет знаменательную дату в истории итальянской литературы и театра. Здесь Полициано воспользовался старой формой итальянских духовных мистерий (так наз.

rappresentazioni sacre), но в эту форму он ввел совершенно новое содержание, соответствующее античным вкусам Возрождения. Вместо библии он взял сюжет из греческой мифологии, вместо ангела в Прологе вывел Меркурия, вместо святых и подвижников—языческих богов, влюбленных пастухов и неистовых вакханок.

Здесь Орфей, укрощающий своей вдохновенной лирой животных и людей, умилиствляющий Смерть и влияющий даже на силы ада, Плутона и Прозерпину, является как бы символом новой светской культуры Возрождения, торжествующей над сумеречным миром средневековья и его узкими церковно-аскетическими идеалами. Это—торжество культуры и искусства над грубыми инстинктами природы, торжество, освященное мученичеством самого Орфея, который, дойдя до презрения к женщинам и отрицая их, сам нарушает естественные законы и поэтому делается жертвою мстительных вакханок.

В пьесе повеяло свежим воздухом: жизнерадостным приятием жизни, вместо ее средневекового аскетического отвержения. Это хмельное упоение жизнью, это бурное наслаждение радостями бытия, свойственные эпохе, нашли себе превосходное выражение в заключительном хоре вакханок („Все, о Вакх, вслед тебе“ и т. д.), приобревшем большую популярность в Италии и превратившемся почти в народную песню.

Своему сюжету, в котором миф об Орфее и Эвридике искусно сплетается с пастушескими мотивами из „Буколик“ Вергилия и с многочисленными отголосками из древней и современной поэзии, Полициано дал превосходное словесное оформление. Он— большой художник слова, тонкий виртуоз стихотворной формы вообще и в особенности излюбленных им октав и терцин, достигающих у него большого совершенства.

Блестящая обстановка и музыкальное сопровождение еще более упрочили то обаятельное впечатление, которое производила на слушателей эта легкая и благозвучная пьеса.

Еще большее мастерство во владении октавой Полициано проявляет в поэме „Турнир“ („La Giostra“), более известной под именем „Стансов“ („Le Stanze“). Своей изящной, тонко отделанной и законченной октавой, превзошедшей все предыдущие попытки в таком роде, начиная с Боккаччо, он проложил дорогу величайшим ее мастерам в итальянском эпосе. По выражению Филиппа Монье, в руках Полициано „октава делается легким и звучным инструментом, который будут подносить к своим губам Ариосто и Тассо“.

Поэма эта, оставшаяся, к сожалению, незаконченной, задумана с целью прославить турнир, устроенный 28 января 1475 года Джуллиано Медичи в честь его возлюбленной